ГОД ПЕРВЫЙ.
№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГ.
СРЕДА, 2 НОЯБРЯ
(15 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

Комиссия по амнистии, избранная Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным, считает долгом своим обратить внимание русского общества на безвыходно-тяжелое положение наших политических эмигрантов. Разбросанные по разным городам Западной Европы и Америки, многие без знания языков, они были лишены возможности выдерживать конкуренцию местных обывателей, почему в подавляющем большинстве случаев и раньше испытывали крайнюю нужду. Теперь положение их ухудшилось: распались многие организации, где они имели кое-какой заработок, закрылись некоторые учреждения. Поспешили вернуться на родину, пользуясь указом об амнистии, те из товарищей, которые имели на это средства. Легко понять отчаяние оставшихся на чужбине с сознанием, что отсутствие каких-либо средств обрекает их на долгое пребывание вне родины, и только оно воспрепятствует вернуться к близким, к родным, к своему народу. Их сотни. Помощь нужна значительная и безотлагательная. Деньги принимаются в комиссии по адресу: Спб., Сергиевская ул., д. 13. Помещение совета присяжных поверенных.

Вследствие непредвиденного тиража и в виду отсутствия запасов соответствующего качества бумаги в Петербурге, газету приходится временно печатать на менее плотной бумаге, в чем контора „Новой Жизни“ извиняется перед подписчиками.

С.-Петербург.

2-го ноября.

Россия и Польша.

Делу освобождения России грозит новая опасность. Вся Польша объявлена на военном положении, и эту свирепую меру правительство оправдывает тем, что поляки якобы стремятся к отделению от России.

Это, прежде всего, фактически неверно. С самого начала русско-японской войны в Польше усилилось революционное движение, как и во всей, впрочем, России. Вопрос об организации народного восстания для восстановления самостоятельной Польской республики был тогда поднят и решен отрицательно всеми польскими партиями, не исключая и националистской Польской Социалистической Партии (Polska Partja Socjalistyczna), в программе которой есть требование независимости Польши. С тех пор отношение к этому вопросу не изменилось.

Ни одна польская партия не ставит теперь своей ближайшей задачей отделение Польши от России. Поляки добиваются только автономии, т. е. права иметь свой сейм, издающий местные законы и ведающий местные дела, свой суд, свои школы и, конечно, право иметь свой язык. При этом, разумеется, поляки не отказываются ни от участия во всероссийском парламенте ни от подчинения всероссийской конституции.

Политическая забастовка, которую польский пролетариат выдерживает уже три недели, и те народные демонстрации, на которые указывает правительственное сообщение о введении военного положения в Польше, служат средством добиться именно автономии. Движение носит, по существу, мирный характер. И если бывают столкновения демонстрантов с полицией и войсками, и проливается кровь, то нападающей стороной являются именно полиция и войска, а не революционеры. Признаков вооруженного восстания с целью отделиться от России до сих пор в Польше не было.

Ясно, что от автономии, которой требует польский народ, до государственной независимости Польши — дистанция огромного размера". И правительство понимает это, конечно, не хуже нас. В чем же, в таком случае, дело? Зачем понадобилось обрушить гнет и ужасы военного положения на целый культурный край?

В самом правительственном сообщении есть намек, указывающий, где надо искать ответ на поставленный выше вопрос. Вспоминаются шестидесятые годы. Польское восстание 1863 г. послужило могильным камнем для освободительного движения, тогда еще юношески-неопытного в политике русского народа. Поднялась волна „патриотизма“, вынесла на поверхность политической жизни Каткова с его „Московскими Ведомостями“ и захлестнула немногочисленных еще тогда борцов за свободу. Началась реакция, упорная и кровопролитная борьба с которой продолжалась до наших дней.

Уже не хочет ли правительство повторить „урок истории“? Не даром наша центральная пресса и наши „патриоты“ всех оттенков, начиная с „гражданина“ Мещерского и кончая членами „партии правового порядка“

исходе. Появление идеи (хотя и изуродованной применительно к ее носителям) Временного Правительства в политическом кругозоре непролетарских и ненародных партий только обостряет вопрос о его действительном характере. Здесь мы только мельком можем остановиться на характере и задачах Временного Правительства Витте, Струве. Выдвинутое, как попытка реально использовать созданную пролетарской борьбой и кровью дезорганизацию самодержавной монархии, чисто буржуазное Временное Правительство есть вместе с тем попытка обеспечения „порядка" в рамках узко-классовой конституции. Взятое же со всеми своими аттрибутами — городской милицией и пр., оно явно представляет буржуазную форму контр-революции, которая при своем осуществлении сменит явно-опасную для буржуазии полицейски-погромную ее форму.

В самом деле — каковы задачи этого правительства, как они намечены „Русью": 1) подавление анархии, 2) осуществление Государственной Думы. Дело ясно: буржуазия находит, что борьба народа с существующим режимом дошла до предела, переход за который грозит осуществить действительное народовластие, и потому стремится фиксировать ее на данной точке. Подавление революционного движения средствами более европейскими, чем разгул черных сотен, хотя и не исключающими расстрела рабочих, и введение куцой конституции — порядок и собственность — иной и не может быть программа того Временного Правительства, которое получает жизнь не от „улицы", а от согласия торгующегося г. Витте. Молчание „улицы" при образовании такого Временного Правительства значило бы, что российский пролетариат сыграл еще раз в мировой истории роль илота буржуазного строительства, роль пушечного мяса, роль политического Иванушки-Дурачка, достающего каштаны из огня для враждебной ему силы.

Но поздно! Революционный социал-демократический пролетариат пойдет во главе „улицы", чтобы свергнуть Временное Правительство либеральных помещиков и фабрикантов. Он будет поддерживать только такое Временное Правительство, которое, созданное на площадях и улицах городов и деревень, поведет его к полному народовластию и созовет не Государственную Думу, а Всероссийское Учредительное Собрание, и под контролем „улицы", а не охраняемое от улицы „национальной гвардией" буржуазии.

Гарантировать отвоеванное путем отнятия власти у правительства Витте — это задумано недурно и во всяком случае умнее, чем попытки просветить Витте насчет истинного конституционализма, но задумано без хозяина. Решительность русского либерализма созревает всегда слишком поздно и потому всегда отдает гнилостным запахом. Дальнейшее развитие освободительного движения сделает т а к о е Временное Правительство, этот опыт буржуазно-либерального торможения революции, таким же н е с в о е в р е м е н н ы м, каким оно сделало опыт бюрократически-полицейскую, блаженной памяти Булыгинскую Думу. Дело будет сделано, но „mit ein bischen andern Worten."

Юр. Каменев.

Маска сброшена.

Правительство Витте наконец-то заговорило. Заговорило оно не туманными фразами о народной пользе, о будущих свободах, о благе родины, а определенными, не поддающимися никаким кривотолкованиям, действиями. Давно пора. В чем же заключаются эти действия, каково первое „открытое выступление" первого „конституционного" министерства?

Оно старо, как стары вообще все приемы нашей бюрократии! „Для восстановления порядка весь Привислинский край временно об'является на военном положении" — скромно говорит правительственное сообщение. Еще не высохли чернила, которыми подписывались акты о гражданской свободе, о конституционных гарантиях, как десятимиллионное население отдается во власть военных властей, не раз показавших свои доблести на площадях и улицах всех городов России.

„Конституционное" министерство Витте оказалось решительнее, чем „самодержавное" министерство Трепова. Трепов об'являл на военном положении только отдельные города и губернии, а „либерал" Витте, призванный к проведению в жизнь царских свобод, без всякого стеснения целых десять губерний за-раз ставит вне даже русских законов, в полное хозяйничание доблестных генералов.

Для революционного пролетариата все это не новость!

Пролетариат всегда хорошо знал цену правительственным обещаниям! Он никогда не сомневался в качестве „даруемых" реформ! Не раз уже „либеральные" реформы аккомпанировались ружейными залпами, свистом нагаек, воплями избиваемых и истязуемых граждан. Не первый раз правительство дает доказательство своей „искренности" и „доброжелательности"! Пусть примут во внимание это новое доказательство „доверия" к обществу со стороны царских чиновников доверчивые либералы, так часто топчущие с ходатайствами пороги министров.

Революционный пролетариат никогда не сомневался, что „даруемые" свободы есть новая попытка отвести освободительную борьбу народа от единственного верного — р е в о л ю ц и о н н о г о п у т и — к осуществлению полного народовластия!

Революционный пролетариат всегда предупреждал легковерных граждан от увлечения крохотными завоеваниями, которые никогда не могут быть прочными до полной победы народа, до полного перехода власти к народу!

России обещали право участия граждан в издании законов, обещали прочный правопорядок, а на деле 10 губерний об'явлены вне закона, отданы в полное распоряжение военного диктатора.

Еще вчера России обещали свободу союзов и собраний, а сегодня граждане десяти губерний лишены не только права собираться, но и права передвижения по улицам городов без разрешения военных властей.

России торжественно обещали неприкосновенность личности — на деле это воплотилось в свободное разгуливание казацкой плети по спинам граждан, в полное господство военных судов, вешающих граждан в 24 часа, в провокаторские убийства переодетыми чинами полиции нежелательных правительству лиц и т. д. и т. д.

Таковы обещанные реформы! Таково первое выступление нового „конституционного" министерства!

Маска сброшена!

Для нас ее и не было. Мы всегда указывали, что только полное народовластие может установить действительный правовой порядок, действительную свободу. Только вооруженный, победоносный народ может поддержать эту свободу от всяких реакционных поползновений!

Революционный пролетариат, идущий под знаменем социал-демократии, всегда это говорил и всегда звал в свои ряды всех истинных друзей свободы, всех не боящихся народовластия, для решительной борьбы с уже разлагающимся режимом.

Кто еще сомневался в выборе между Витте и революционным народом, теперь уже сомневаться не может! Действительную свободу установить может только народ, во главе с наиболее революционным классом — пролетариатом.

Сомкнитесь же, друзья свободы, под его знаменем!

Б. Радин.

Об организации.

К вопросу о Совете Рабочих Депутатов.

В партийных организациях в течение последней недели горячо дебатируется вопрос о Совете Рабочих Депутатов. Пока продолжалась всеобщая стачка, Совет играл роль стачечного комитета и положение его было вполне ясным. Но теперь, по окончании стачки, возникает ряд вопросов: должен ли С. Р. Д. продолжать существовать или он должен об'явить себя распущенным? Если он не считает последнее целесообразным, то какова должна быть его дальнейшая роль: должен ли он быть организацией профессиональной или политической, и если политической, то должен ли он определить свое отношение к политической организации рабочего класса, к Р. С.-Д. Р. П., должен ли он стать под знамя нашей партии? Мне кажется, что вопрос о том, продолжать ли С. Р. Д. существовать или об'явить себя распущенным, может быть решен лишь после выяснения вопроса о тех задачах, которые может ставить себе Совет Депутатов, лишь после выяснения вопроса, политическая ли или профессиональная организация С. Р. Д.

Желательно ли с точки зрения интересов рабочего класса, с точки зрения Р. С.-Д. Р. П., чтобы С. Р. Д. был политической организацией? Если С. Р. Д. признает себя политической организацией, то пред ним станет вопрос: социал-демократическая ли он организация и должен ли он стать под знамя Р. С.-Д. Р. П. или нет? Если вопрос будет решен отрицательно, то социал-демократы, которых в Совете довольно много,—пожалуй, даже с примыкающим к социал-демократии—большинство,—должны будут выйти из Совета, так как С. Р. Д. становится тогда новой—не социал-демократической рабочей партией, а у социал-демократии уже есть своя партия, которую они считают и не могут не считать единственной истинной выразительницей интересов рабочего класса. Но если социал-демократы выйдут из С. Р. Д., то он перестанет существовать как Совет Депутатов всех рабочих Петербурга, так как значительная часть пролетариата, и притом наиболее сознательная часть, не будет в нем участвовать.

Но если при обсуждении вопроса о том, представляет ли С. Р. Д. социал-демократическую организацию или нет, вопрос этот будет решен в положительном смысле, Сов. Раб. Деп. должен об'явить себя распущенным, так как дальнейшее существование его станет излишним: социал-демократическая организация рабочего класса уже существует—это Р. С.-Д. Р. П.

Некоторые товарищи полагают, что желательно было бы, чтобы С. Р. Д. продолжал временно существовать как социал-демократическая организация, до реорганизации нашей партии, которая открыла бы широкий доступ рабочим массам в свои учреждения. До сих пор, благодаря условиям конспиративной работы, партийные организации были по необходимости очень узки, теперь большинство товарищей рассчитывают, что есть возможность значительного расширения рамок партии, и, пока эта задача не будет выполнена, С. Р. Д. будет заменять, по мысли некоторых товарищей, широкую партийную организацию. Словом, С. Р. Д. должен существовать, по мнению этих товарищей, параллельно с существованием организации Петербургского Комитета и Петербургской Группы Партии. При таком сосуществовании С. Р. Д., как организация выборная, связанная с широкими массами рабочих, необходимо отодвинет на задний план существовавшую до сих пор организацию Петербургского Комитета. Желательно ли это? Мне кажется, что на этот вопрос С. Р. Д. может дать лишь один ответ: безусловно нежелательна организация, не проникшаяся социал-демократическим сознанием. Если существующая уже социал-демократическая организация будет отодвинута назад социал-демократическим „Советом Рабочих Деп.", то это приведет лишь к понижению темпа социал-демократической борьбы и „принижению сознательности пред стихийностью".

Итак, С. Р. Д. как политическая не социал-демократическая организация существовать не должен, и социал-демократы должны выйти из него, так как его существование может вредно отразиться на развитии социал-демократического движения.

Совет Рабочих Деп. может существовать как профессиональная политическая организация или не должен существовать вовсе. Как профессиональная организация Совет может иметь большое значение, сплачивая в одну организацию всех рабочих пролетариата, ведя агитацию за организацию на заводах профессиональных боевых касс и во время стачки являясь стачечным комитетом. Как профессиональная неполитическая организация С. Р. Д. может сыграть крупную роль в смысле сплочения петербургского пролетариата.

С этой точки зрения голосование в С. Р. Д. по данному вопросу должно вестись таким образом.

1) Желательно ли сохранение С. Р. Д. в рамках профессиональности и развитие его в петербургский профессиональный центр? С точки зрения, изложенной в этой заметке, следует ответить: да. Если собрание постановляет, однако, что С. Р. Д. организация политическая, то встает второй вопрос:

2) Должен ли С. Р. Д. быть организацией социал-демократической? Ответ: да. И, наконец, последний вопрос:

3) Если С. Р. Д.—социал-демократическая организация, желательно ли немедленное распущение его или допустимо самостоятельное его существование до реорганизации нашей партии? Ответ: желательно скорейшее его распущение.

На эту точку зрения стала коллегия агитаторов и пропагандистов Петербургского района (Петербургской стороны).

Н. Менделеев.

От редакции. Редакция не вполне согласна с постановкой и разрешением вопроса о С. Р. Д. товарищами из Петербургского района. Тем не менее, она дает место этой статье, повторяя свое приглашение товарищам высказываться по поставленному организационному вопросу.

Русская печать.

* * Все множатся и множатся признаки, что силы, напирающие на правительство, начинают размещаться по-новому, отклоняя курс вправо.

При приеме депутации от всех слоев польского общества граф С. Ю. Витте, между прочим, как передают „Нашей Жизни", сказал: „Напрасно вы думаете, что правительство бессильно, боится мятежа и думает уступить; для Польши предположено военное положение, что же касается России, то здесь ясно сказалась полная неподготовленность к провозглашенным реформам. Общество, русское общество, совсем не желает никаких свобод; мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров. Теперь наступила в России весна, правда, более широкая, чем при кн. Святополк-Мирском, но помните, что ее может сменить реакция, и тогда уже нельзя ни за что поручиться". Принимая депутацию варшавских юристов, граф Витте сказал им: „Вот, вы просите немедленной отмены исключительных законов, а фабриканты ваши требуют настойчиво введения военного положения". „Назовите нам фамилию хоть одного из этих фабрикантов",—сказал один из депутатов. „Этого сделать я не желаю",—был ответ графа С. Ю. Витте. На этом прием депутации был закончен.

Неподготовленность России к реформам сказалась в зверских погромах, устроенных полицией для того, чтобы не дать привиться свободам. Цель черных сотен достигнута. Граф Витте, еще вчера говоривший про главный тормоз реформ — невоспитанность и развращенность администрации,—внезапно изменил свои взгляды и во всем винит русское общество. Реакция, конечно, возможна. Об этом говорит уже то, что фабриканты, по словам Витте, „требуют военного положения".

Буржуазия по-старому близорука и по-старому готова к предательствам. Но уже так ли велика ее сила, и надолго ли измена ее задержит исторический ход?

* * Что-то происходит за сценой, за кулисами придворных влияний. Реакция, на время притихшая, все больше возвышает голос. Декорация гражданской свободы отодвигается все дальше и дальше. Меры относительно Польши дают картину того, что ждет и нас, быть может, уже в ближайшие дни.

Все это так непонятно, так неожиданно после опубликования конституции,—говорят „Новости",—что невольно закрадывается сомнение, не сделано ли это последнее распоряжение под предательским внушением какой-нибудь враждебной новому правительству партии, скрывающейся пока за кулисами. И кто знает, не замешаны ли во всем этом печальном деле те таинственные семь немецких миноносцев, которые белою цепью протянулись от Петергофа до Мемеля и чрез верхушки мачт своих беспроволочно связали Петербург с Берлином?

Газета, впрочем, продолжает надеяться.

Еще можно возвратиться на путь законности и полного примирения с „мятежным польским народом". Для этого нужно дать Царству Польскому такую же автономию, какая дана Финляндии. К такому же решению почти единогласно пришел последний Московский съезд земских и городских деятелей. Следовательно, такое решение не расходится и с пожеланиями умеренно-настроенных русских людей, к которым граф Витте так настойчиво обращается за поддержкой и лидерам которых он неоднократно предлагал министерские портфели.

Впечатления.

VI.

Стремление правительства и присных его успокоить общество вполне понятно, но успокаивает только истина, какова бы она ни была. Правительство в своем безвыходном положении хочет привлечь общество на помощь себе?

Пусть оно говорит мужественным языком человека, искренно желающего блага своей стране, и не старается прятать гнусную правду событий, вызванных и организованных его агентами.

Необходимо честно сознаться в том, что именно анархистская деятельность губернаторов, полиции, духовенства и провокаторской прессы, живущей на содержании правительства, именно эта деятельность—единственная и главная причина тех поражающих явлений, которые происходили в эти дни на всем пространстве России.

Опираться в свое оправдание на „своеволие темных масс"—по меньшей мере не остроумно. Ведь само же правительство усердно заботилось о том, чтоб массы народа не озаряла мысль.

Издавая акт 17-го октября, оно не подумало о необходимости одновременно по всей стране истолковать этот акт простыми ясными словами, доступными пониманию масс, оно не внушало своим агентам в провинции определенного отношения к этому акту, и даже в столице, на его глазах, полиция уверенно заклеивала царский манифест приказами Трепова. Оно не сочло нужным предупредить провокаторов прессы о степени серьезности своих намерений, и эти раболепные, гнусные, извращенные холопы дружно завыли и залаяли о падении власти царя, о победе „жидов, студентов, интеллигенции".

Травля прогрессивных элементов страны в таких органах, как „День", „Московск. Ведом." и другие рептилии,—это факт.

Распространение прокламаций, призывающих к истреблению интеллигенции,—это факт, и администрации не могли не быть известны источники, откуда изливалась эта злая, ядовитая грязь. Нельзя же допустить, чтоб охранное отделение, всегда хорошо осведомленное своими шпионами о том, кто, где и что печатает, не знало, кем печатаются прокламации союза русских людей и прочих анархистских групп. Оно, конечно, знало это—и оно не мешало этому. Призывы к убийствам с амвонов церквей это факт.

Участие губернаторов в погромах и убийствах—факты, подтвержденные смещением наиболее яростных патриотов из их среды...

Если правительство этого не сделает, то нужно будет признать, как ни страшно даже выговорить это слово, что оно идет к реакции, и что вчерашнее правительственное сообщение — первый и решительный шаг к ней.

Граф Витте говорил с либералами, когда реакция была обессилена. Теперь же и „умеренные" проекты не послужат темой для разговоров. Для более склонных к реакции правительство между собою и либералами возводит такой барьер.

*** Двойная бухгалтерия откровенности. У правительства две меры для истины: одна — для заграничных банкиров, другая — для домашнего обихода. Загранице заявили открыто, что погромы не обошлись без администрации, а для России это участие стоит еще под знаком вопроса. „Сын Отеч." сопоставляет две истины:

„Еще удивительнее отрицание правительством „прямоты и искренности" в последнем его сообщении того, о чем кричит вся Россия, и в чем само правительство сознавалось несколькими днями раньше перед иностранцами, — это участие властей в погромах последних дней. „Нельзя отрицать, что во многих местах такому проявлению (т. е. погромам) покровительствовали агенты местной власти. Нынешнее правительство далеко от того, чтоб игнорировать или скрывать эти факты"... перед общественным мнением Запада, но России „правительство категорически об'являет, что со стороны центральных учреждений все распоряжения клонились лишь к одной цели — поддержанию спокойствия и порядка", что в тех случаях, когда представлены будут достоверные сведения об организации или поощрении полицейскими чинами насилий над личностью или имуществом, „допуская, что они подтвердятся" — назначены будут „тщательные расследования" и будут приняты всевозможные меры к устранению повторения погромов.

Таким образом, то, что пред Европой правительство не решалось отрицать, что оно признавало за факты, которые не могли ни игнорировать, ни скрыть больше, — то перед Россией еще требует проверки и доказательств.

И когда народное негодование требует немедленного удаления маленьких и больших сатрапов, испачкавших свои руки в народной крови, правительство „прямоты и искренности" отвечает военным положением!

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Владивосток (от собств. корр.). — 26 октября во Владивостоке состоялся первый народный митинг в цирке. Присутствовало более 3.000 человек. Порядок замечательный. Полиция отсутствовала. Офицеры, врачи и рабочие в талантливых речах раз'яснили значение завоеванной свободы, прославляли борцов. Принята резолюция об образовании комитета защиты прав гражданина. Устроена грандиозная овация полковнику Постникову, требовавшему в соборе отслужить панихиду борцам за свободу. Митинг требовал громовыми кликами удаления городского головы, пославшего от имени населения рабским языком написанную телеграмму. Митинг почтил вечной памятью погибших борцов и славой живых. Бурная овация была устроена бывшим шлиссельбургским заключенным. 27-го городской голова подал в отставку. Союз врачей Уссурийского края избрал из своей среды комитет защиты прав гражданина и общественной безопасности, выразил негодование крепостному врачебному инспектору генералу Езерскому за разжигание национальной вражды между врачами.

Борис Орджих.

Мест. Байрамчи Бессарабской губернии, Аккерманского уезда (случайная). — 31 октября здесь произошел еврейский погром, все еврейские дома сгорели, пострадавших — масса, помощь нужна немедленная.

Ромны, 31 октября (СПА). — Роменское городское управление, одобрив проект охраны порядка в городе с участием обывателей, приглашает домовладельцев и торговцев заявить о желании участвовать в охране. Полицейские и военные власти изъявили готовность оказывать содействие с своей стороны чинам охраны.

Открыто бюро юридической помощи населению, пострадавшему от разгромов.

Москва, 1 ноября (СПА). — Сегодня по Ильинскому шоссе забастовал ряд фабрик и заводов. В этот район командированы войска.

Ломжа, 31 октября (СПА). — Сегодня в городе и в уездах расклеены об'явления губернатора о введении военного положения.

Все эти факты не надо забывать, сочиняя „правительственные сообщения", и не нужно говорить о „внезапности беспорядков", которые открыто подготовлялись.

Довольно лжи и обмана!

И нужно говорить не о людях, „утомленных отсутствием порядка и безопасности" — кто эти люди, что их образ действий окончательно уничтожает престиж власти в глазах „общества"? А в области явлений, „патриотизму" противоположных, правительству делать нечего — здесь уже верно оценили его значение и силу, здесь не нуждаются в узде, здесь не зверье, а люди, они руководятся не шпионами и полицией, а сознанием своего достоинства.

Что может сказать правительство о поведении стотысячной толпы пролетариата на похоронах Н. Э. Баумана? Что оно может сказать о шествии тысяч сормовских рабочих по улицам Н.-Новгорода?

Пролетариат имеет право гордиться той внутренней стройностью, которая царит в его рядах, и правительство должно с уважением отнестись к этому факту.

„Уважение к жизни и личным правам" — это социальное качество не воспитывалось в русском народе и обществе, ибо было „противно видам правительства", и оно само в себе не имеет этого качества. Пролетариат воспитал в себе это уважение, несмотря на весь гнет правительства. „Уважения" к собственности, созданной кровью и потом народа и захваченной мещанами, пролетариат, разумеется, не может иметь. Собственность — идол буржуазии, но сознательный пролетариат не нарушает прав частной собственности, и кто говорит противное, тот клевещет.

Грабят и убивают „черные сотни" — они же „патриоты", вдохновляет и помогает им в этом полиция — факт, точно установленный даже генералом Томичем.

Довольно лжи и лицемерия! Этим никого не успокоишь.

Не их силой, не их трудом живет страна, это — крысы на корабле государства. Им никогда и ничего не нужно, кроме порядка, который охранял бы их собственность, и той безопасности, которая позволяет им жить чужим трудом. Что они могут дать стране теперь, когда нужны честные и умные работники-борцы? Эти люди кончили свой цикл жизни, они пресытились, выродились и духовно мертвы. И если их обеспокоили мирные демонстрации

83-12

83-12

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

М. ОЛЬМИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ

Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,

ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—7

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД — 1925